

Игорь Хрусталев

Делец платит наличными

Игорь Хрусталев
Делец платит наличными
Серия «Делец»

Текст предоставлен правообладателем «Научная книга»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167984

Содержание

Предоплата	4
\$ 1	5
\$ 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Игорь Хрусталев

Делец платит наличными

Предоплата

— С вами все в порядке, господин Паратов? — подскочил ко мне тот самый одноглазый коротышка, что давеча сломал спинной хребет одному типу, который отстрелил ему мочку левого уха.

— Угу, — буркнул я, стряхивая с запястья обломки часов.

Сапфировое стекло моих «радо» нельзя было ни разбить, ни поцарапать. Но против пуля крупного калибра это швейцарское изделие не устояло.

Шесть трупов за двое суток — это чересчур даже для бизнесмена моего уровня.

Один-два — еще куда ни шло, а с таким веером жмуриков я сегодня рискую нарваться на крупные неприятности. И для себя и для своей фирмы.

Тем более, что я вляпался в эту историю исключительно «из любви к искусству», в данном конкретном случае — к искусству расследования.

А за любовь, как вам должно быть известно, надо платить. Причем наличными.

Кстати, надо на досуге подсчитать, сколько нулей потеряла моя кредитная карточка. Так что о личной выгоде речь пока что не идет.

Впрочем, это еще как сказать и с какого боку посмотреть. Возможны варианты.

Но для этого нужно сначала разложить все по полочкам, потому что времени остается в обрез.

Черт, они снова стреляют.

Но пули мыслям не помеха.

Даже наоборот.

Итак, как же все начиналось?

\$ 1

Зал ресторана «Лайнер» был оформлен под салон самолета, только что раз в десять больше.

Между круглыми столиками туда-сюда сновали рослые длинноногие официантки в прикиде аэрофлотовских стюардесс и развозили заказы.

Несмотря на все рекламные навороты, кормили тут довольно скверно, как-то без души.

И по-хорошему, стоило прилагать к столовому набору пакетик — для блева, понятное дело, если уж имитировать авиа-сервис до конца.

«Продержатся от силы три месяца, — подумал я, промокая губы салфеткой, — у Марциненко ни одно заведение не функционировало больше этого срока. Потом опять возьмет подряд и забабашит какой-нибудь гриль-бар. С тем же, разумеется, результатом».

— Что-то ты хмур сегодня, дружище, — похлопал я по плечу соседа. — Я все в толк не возьму — мы обмываем твою сделку, или справляем поминки?

Сапожников попытался улыбнуться, но это у него не очень-то получилось.

— Да и под конец поминок народ обычно расслабляется, — продолжал я.

Но Максим по-прежнему молчал и продолжал вяло ковыряться в овощном салатике, терзая тупыми выступами вилки мясистый лист спаржи.

— Да вы только посмотрите на него, люди добрые, — всплеснул я руками, — этот человек за два дня уломал французов, чтобы они открыли у себя филиал его фирмы. Любой другой на твоём месте прыгал бы ль счастья, пока не свалился бы без сил.

Мой сосед за столом отнюдь не произвел подобных действий, а, казалось, ещё глубже погрузился в мрачную меланхолию.

— Но ты умудрился под согласие французов уломать греков, — продолжал я, — а те, в свою очередь, уломали итальянцев. Теперь у тебя свои предприятия по всей матушке-Европе, а ты выглядишь как рэкети́р, которого обдурили десятилетние наперсточники.

— Отчасти ты прав... — через силу выдавил из себя Максим.

— Да что с тобой стряслось? — тронул я его за плечо. — Кухня в этом кабаке не нравится? Плюнь в тарелку и сменим диспозицию.

— Да нет, — отмахнулся Сапожников, — просто... просто у меня предчувствие.

— Вот как? — поднял я брови. — И что это за ощущение такое? В каком месте твоего тела? Не забывай, что я врач по образованию.

— Понимаешь, Сергей, — Сапожников провел бледной рукой по лицу, — похоже, что моя благоверная ввязалась во что-то нехорошее.

— Это Ленка-то? — искренне удивился я. — С ее-то мертвой хваткой? Ни в жисть не поверю. У нее всегда все получалось. Уверен, что приди ей в голову идея стать президентом РФ — прошла бы. Просто, наверное, пока ей в Кремль неохота.

Максим Сапожников издал вроде нечто задорного смеха, но тут же снова помрачнел.

— Ну а все-таки, — наклонился я к нему, — что же у тебя происходит?

Судя по его рассказу, происходило, действительно, нечто странное.

Максим неделю назад поехал за город — переговорить кое с кем без лишних ушей.

Переговоры оказались удачными и все проблемы были разрешены к ободному удовольствию.

Но на двести первом километре от города Максим Сапожников увидел автомобиль.

Серый «форд», стоявший на обочине лесочка не представлял бы для него никакого интереса, если бы не принадлежал его супруге.

Максим заверял меня, что никакой ошибки тут быть не могло — Сапожникову даже удалось разглядеть номер автомобиля и он совпадал с номером «форда» его супруги. Понятно, что Сапожников разволновался.

И вот, этим же вечером, когда Елена вернулась домой, Максим осторожно поинтересовался, что она делала в такой глухомани.

А в ответ...

— Ты же знаешь, какие у нас отношения, — хмуро процедил Сапожников.

Я молча кивнул.

Максима Сапожникова нельзя было назвать обыкновенным подкаблучником — все было гораздо тоньше и, в то же время, гораздо банальнее.

Его брак с Еленой был почти идеальным, если бы не одно немаловажное обстоятельство.

Дело в том, что Максим стал преуспевающим бизнесменом лишь два года назад.

А два года плюс один месяц назад он был всего лишь гражданином Сапожниковым, освободившимся по амнистии из мест лишения свободы.

И лишь знакомство с Русланом Коровиным помогло ему укрепиться в новой реальности, которая открылась перед Максимом после выхода из зоны.

Старый номенклатурщик Коровин к тем временам успел прочно обосноваться в областной администрации и курировал вопросы охраны окружающей среды.

Даже такое благородное дело, как экология, стало в его руках средством извлечения «черного нала» из еще работающих в области предприятий.

Руслан Архипович Коровин быстро понял, что Максим — очень способный работник, а ерундовый срок за мошенничество, который было проще простого получить в перестроенные времена владельцу кооператива, можно было списать на грехи молодости.

Номенклатурный эколог устроил Сапожникова в структуру при местном авиазаводе, которая вскоре отпочковалась и, обретя вывеску акционерного общества, продолжала обслуживать государственные нужды.

Более того, вскоре дочь Коровина Елена и Максим поженились.

Коровин был поставлен перед фактом и решил, что лучше не спорить — его дочка отличалась характером взбалмошным и мстительным, — а разумнее продвинуть зятя на еще одну ступеньку карьерной лестницы, обеспечив, тем самым, благополучие молодой семьи.

Но Коровин был тертым калачом и на всякий пожарный случай держал Сапожникова на очень коротком поводке, время от времени давая ему понять, что без тестя Максим — пустое место.

Пару раз он даже поступился собственной выгодой, только бы не дать зятю обрести такую степень самостоятельности, чтобы тот смог обходиться в дальнейшем без протекции всесильного тестя.

И вот, когда Максим дерзнул поинтересоваться у своей супруги насчет присутствия ее автомобиля в пригородном лесочке, та пришла в такую ярость, что Сапожников не на шутку испугался.

Обычно Елена предпочитала не вмешиваться в деловую сферу жизни своего мужа — ее вполне устраивало положение домохозяйки.

Впрочем, это не определение образа жизни, а всего лишь термин.

Дом и дети находились на попечении целого штата домработниц и гувернанток, а сама Елена проводила большую часть своего времени в косметических салонах и на курортах Средиземного моря.

Но в этот проклятый вечер Елену Сапожникову словно бы подменили.

Услышав вопрос мужа, она прикрыла глаза, словно бы собираясь с силами после нанесенного ей оскорбления и заявила буквально следующее:

— Если ты хоть еще раз будешь лезть в мои дела, я пожалуюсь отцу и ты снова вернешься туда, откуда вышел два года назад.

После этих жестоких слов Елена удалилась в свою спальню и не появлялась перед глазами своего супруга до следующего утра.

Зато на другой день Елена вела себя так, как будто накануне вечером ничего такого особенного между ними не произошло.

Напуганный Максим решил, что так тому и быть, хотя неприятный осадок остался.

Сапожников на всякий случай убедил себя в том, что эта угроза вырвалась у нее случайно и Елена даже отчасти чувствует себя виноватой, хотя этого и не скажешь по ее внешнему облику и поведению.

— Впрочем, я сделал одну глупость, — добавил Максим. — Кажется... Ладно, я не хочу больше об этом говорить. Давай лучше выпьем.

И плеснул себе водки.

Я выслушал этот резанувший мне по сердцу рассказ с двойственным чувством.

С одной стороны, нельзя было не пожалеть своего приятеля.

А с другой, как ни крути, выходило, что Максим сам был во всем виноват.

Не стоило, ну не стоило ему соглашаться на покровительство, и уж тем более не стоило жениться на дочери своей «крыши».

По мне так уж лучше не хватать звезд с неба, но быть независимым человеком.

Разумеется, я не стал говорить этого вслух, а ограничился сочувственными фразами насчет непредсказуемости женского характера.

На десерт предложили какое-то химическое мороженое, на которое я даже смотреть не мог — с детства не переношу молочных продуктов.

А Максим, не поморщившись, проглотил всю башню пломбира ядовито-желтого цвета.

«Пожалуй, ему действительно херово, — думал я, глядя как Сапожников механически уплетает ложку за ложкой всю эту гадость. — Если человек не чувствует вкуса еды, то ему надо помочь».

Но тут я был бессилен.

Если бы дело касалось финансовой или политической сферы — нет проблем.

Вернее, проблем не стало бы, возмись я за дело со своей энергией и связями.

А вот разруливать чужие семейные дразги — эта деятельность уже на любителя, как-вым, надо заметить, я отнюдь не являюсь.

Договорившись встретиться на другой день и поболтать — Максим пригласил меня в гости поужинать, — мы расстались за полночь.

Я тешил себя мыслью, что тот объем работы, который навалится завтра на Максима — ведь ему придется курировать все свои филиалы в Европе, — отобьет у него охоту переживать по пустякам.

«Труд освобождает», — вспомнил я фразу какого-то древнего философа.

Впрочем, нет, кажется, этот лозунг висел на воротах Освенцима...

Ну да это детали.

А наутро на работе меня поджидал крайне неприятный сюрприз.

Только я переступил порог родной конторы, как вице-президент «Ледокола» — так называется торгово-промышленная ассоциация, которую я возглавляю — сообщил мне ошеломляющую новость.

Я велел собрать команду и через час мы начали обсуждение создавшейся ситуации.

Созданная мной торгово-промышленная ассоциация «Ледокол» в последнее время пыталась расширить круг своей деятельности.

Мы брались и за строительство и за разработку полезных ископаемых.

Особенно, конечно, нас интересовала нефть, за неимением в наших недрах золота и алмазов. Не говоря уже о ради и плутонии.

«Черного золота», по правде говоря, в нашей землице было не так уж и много, но, тем не менее, игра все равно стоила свеч.

Сначала «Ледокол» немного занимались поставками оборудования, а в последнее время планировали вложиться в переработку.

Но самым лакомым кусочком, разумеется, были сами шесть скважин.

Медленно, но верно, руководство области пришло к мудрой идее приватизации.

Конечно, со всем геморроем, который только мог иметь место в наших условиях, но уже и это было значительным шагом вперед.

Шесть огромных дыр в земле, из которых хлестали живые деньги, использовались местным руководством на редкость бездарно.

Но скважины были расположены на самом краю области, у черта на куличках, в такой заброшенной глухомани, что прокладывать туда рельсы для транспортировки нефти было не по карману нашим властям.

Тогда государственные мужи решили прибегнуть к помощи частных фирм и объявили конкурс, по результатам которого победитель получал бы преимущественное право на разработку нефтяных месторождений. Под строгим контролем того же государства, разумеется.

Эта немаловажная оговорочка выглядела бы вполне приемлемо при нормальных условиях, а при нашем «новом режиме» могла значить только одно — дополнительный грабеж со стороны власти.

Впрочем, можно было ткнуть чиновников носом в ими самими же принятые законы, которые сулили значительные льготы частным компаниям.

Но и тут была палка о двух концах — законы были приняты лишь на местном уровне, кое в каких пунктах, натурально, противоречили федеральным и служили лишь для лишнего плюса в имидже губернатора, который прилагал все усилия, чтобы представить нашу область в глазах центра передовой и самостийной.

На мутной волне договоров разграничения полномочий центра и регионов — а в последнее время эта волна принимала очертания цунами — все эти состряпанные на скорую руку законы принимались на ура.

А вот с точки зрения их конкретного выполнения сами же чиновники, если это им было выгодно, кивали на федеральное законодательство. Очень удобная практика, как вы сами понимаете.

Можно было перешибить и этот обух, если иметь под рукой достаточно прочную плетъ.

Среди фирм, которые подали заявки на конкурс такой плетью обладал только «Ледокол».

Нашими главными козырями были, есть и останутся деньги и независимость.

Все остальные участники, одержи они победу, рано или поздно оказались бы под мощным прессингом администрации и неизбежно превратились бы в карманные фирмы того или иного высокого лица.

И вот, сегодня утречком агентурные данные приносят мне информацию о том, что областная дума намерена поставить на повестку дня законопроект о запрете привлечения частных компаний для разработки недр нашей области. Ни больше, ни меньше.

На деле это значило бы (будь этот законопроект принят), что государство приберет к рукам всю нефть путем создания собственной структуры.

Не вызывало, разумеется, никаких сомнений, что данный законопроект этот вышел из недр родной администрации и был спущен в комитет по землепользованию думы для создания видимости действенной работы и влиятельности законодательной власти.

Таким образом правительство области одним метким выстрелом убивало наповал сразу двух жирных зайцев — оставляло себе нефть и позволяло думе продемонстрировать оппозиционность.

Еще бы!

После такого никто не станет упрекать депутатов в том, что они послушно работают под чутким надзором власти исполнительной.

Как раз наоборот — чиновники-Матросовы ложатся, можно сказать, на амбразуру своими твидовыми костюмами, не позволяя отдавать на откуп недра малой родины вским толстосумам-проходимцам.

Похоже, именно в такой упаковке все и будет подано населению.

И я даже знаю, кто из журналистов напишет об этом передовую статью.

Короче, все складывалось так, что нужно было немедленно принимать какие-то контрмеры.

До очередного заседания думы оставалась всего неделя и я решил переговорить кое-кем из депутатского корпуса, чтобы прояснить обстановку.

Мой выбор остановился на Вадиме Поснове и Степане Белоглазове.

Первый принадлежал к демократам, который был последовательным коммунистом, но, несмотря на столь значительные различия, оба они были схожи в одном — с ними можно было разговаривать.

Почти все остальные, с тех пор, как в думу прекратили выбирать по партийным спискам, были пешками в руках облминистрации и только и ждали, пока для них освободится место в правительстве, чтобы отдать свое кресло молодым да ранним из той же поросли.

Демократ Поснов согласился приехать в «Ледокол» и обещал быть через полчаса.

Коммунист же Белоглазов предпочитал встречу на нейтральной территории.

Мы побеседовали с Вадимом Посновым полчаса, досконально обсудив проблему.

Мои самые худшие ожидания после этой встречи вполне оправдались.

— Понимаешь, — говорил он, отхлебывая текилу из рюмки, — они уже все решили. Даже то, что я и еще несколько человек будут голосовать против, заложено в их интриге. Видимость демократии, а как же иначе? Это раньше было девяносто девять и девять десятых процента. А теперь все чин чинoм, не подкупаешься. Конечно, жлобство. Конечно, маразм. То что тут можно поделаться, я не представляю.

И от слизнул с тыльной стороны ладони толченых соленых гусениц — традиционная закуска для текилы, которую, кстати сказать, поставляло в наш город только соответствующее «ледокольное» подразделение.

— Ну, кое-что все-таки можно, — улыбнулся я. — Я уверен, что правительство не сможет изменить сроки конкурса — об этом уже раструбили в центральной прессе и Кремль одобрил инициативу снизу. А заседание запланировано за пять дней до исходной даты. Как у вас, например, как у вас обычно обстоят дела с кворумом?

Поснов лишь пожал плечами.

— В такие дни все депутаты являются как штык. Ну, заболею я, еще пара-тройка народных избранников. Это же не решить проблему, не так ли?

Я, скрепя сердце, вынужден был согласиться с этим заявлением.

Пока что у меня не было никакого реального плана, и я удовольствовался уверенностью, что Поснов не откажется помочь мне, если, конечно, это не будет стоить ему депутатского кресла.

Вторая запланированная встреча была немногим оптимистичнее.

Коммунист Белоглазов пил немецкую водку и последними словами ругал власть — как исполнительную, так и законодательную. Доставалось и судебной ветви, и, само собой, журналистам.

— Коммунистов совсем за людей не считают, — жаловался он. — Впрочем, москвичи сами виноваты. Ну вот скажите мне, куда податься нормальному человеку, если он социал, скажем, демократ. Да он откроет газету «Завтра» и его стошнит еще на первой странице.

— Да, у левых с эстетикой плоховато, — не кривя душой, согласился я. — Ничего, на следующих президентских выборах отыграетесь.

Когда разговор зашел о законопроекте, Белоглазов подтвердил мою гипотезу относительно происхождения этого документа.

— Само собой, с площади, — кивнул он, имея в виду здание областной администрации в центре города. — Дурная бумага, что тут говорить. Сами работать не способны и другим не дают.

— Но ведь коммунисты, насколько я знаю, традиционно выступают против частной собственности, — якобы удивился я его словам.

— Так мы за то, чтоб дело делалось, — ответил Белоглазов. — А насчет нефти, есть специальные поправки. Если соблюдать их — нет проблем. Работай и делись с государством. А эти все под себя тянут.

Короче, он тоже не сомневался, что законопроект пройдет при первом же голосовании.

— Ну, ладно. А вот, скажем, можно провалить этот законопроект? — мрачно спросил я.

— Можно. Но у тебя, Сергей Радимыч, денег не хватит, — уныло пошутил депутат.

Я понимал, что он прав, но, будучи человеком обстоятельным, решил произвести кой-какие подсчеты и прикинул число мест в думе.

Так, значит...

Если переговорить с половиной депутатского корпуса один на один в строго конфиденциальной обстановке, да приплюсовать еще человек пять...

Цель оправдывала средства.

Просто наличных средств действительно, немного не хватало.

Я купил бы всех депутатов, но для этого пришлось бы продать весь «Ледокол».

Вот только с пустым карманом нас к нефти никто бы не подпустил.

Однако Белоглазов также подтвердил свое желание помочь в случае чего.

Последнее словосочетание можно было истолковать следующим образом:

— Тебе надо, ты и напрягайся. А я, само собой, впрягусь, если буду уверен, что дело того стоит. Да и ты, я уверен, не обидишь.

Приблизительно то же самое сказал и Поснов, только почти открытым текстом.

Так что проблема стояла перед «Ледоколом» как неприступная крепость — с отвесными стенами, прорезями бойниц, ошестинившимися пушками и хорошо укомплектованным гарнизоном защитников.

Эту самую крепость нам и предстояло взять, несмотря ни на что.

Я решил не отступать и отдал распоряжение своим ребятам рыть землю носом.

Вице-президент Гессен был обязан рассмотреть все возможные варианты.

Наш гениальный юрист, которому бы позавидовала любая контора — среди своих его звали просто Епифаныч — поступал в распоряжение Гессена и должен был работать с ним в тесной связке.

На начальнике службы безопасности «Ледокола» Воронцове лежала задача оказывать любое содействие в случае необходимости, вплоть до задействования наших вооруженных бойцов охраны.

Для полноты картины я подключил к этой команде руководителя рекламного подразделения Грустенко — среди его работников были психологи со стажем, которые досконально знали все приемы воздействия на извивы общественного мнения через рекламу еще с колыбели.

А сам я направился в гости к Сапожниковым, как мы и договаривались.

Максим с Еленой жили в новом двухэтажном доме на набережной.

Постройка была спланирована на четыре семьи — подъезда не было (зато был подземный гараж), просто с каждой стороны дома располагалось по одной двери, которая и вела в двухуровневые квартиры.

У Сапожниковых я застал Руслана Коровина, который навещал дочку с зятем.

Главный эколог на госслужбе уже собирался уходить и я провел в его обществе не более получаса, хотя мне хватило и этого.

Такой народ, честно говоря, как-то не мо мне, но посмотреть на Коровина в неформальной обстановке было, отчасти, небезынтересно.

Руслан Архипович Коровин тихо беседовал с дочкой, со вкусом попивая чай, который присылали Сапожниковым прямо с цейлонских плантаций — свернутые листья в полиэтиленовых мешках.

Чиновник, отвечающий в области за экологию был в этот вечер на редкость благодушен и доброжелателен, напоминая вояку на пенсии.

Глядя на его одутловатые щеки, я вдруг вспомнил прозвище Коровина.

«Санэпидемстанция»!

Дело в том, что в советское время данная организация была грозой любого учреждения и могла рассчитывать на небольшую, но стабильную мзду.

Теперь же, само собой, уровень ставок повысился на несколько порядков.

Елена Сапожникова вежливо расспрашивала отца о его работе, тот охотно рассказывал о новых инициативах его подразделения, вдаваясь в необязательные для светской беседы подробности.

Видимо, Коровину было приятно, что дочка интересуется его делами.

Елена с застывшей милой улыбкой на лице внимала отцу, изредка кивая, а Максим стоял поодаль, возле стеллажей с африканскими масками, и молча прихлебывал апельсиновый сок из высокого стакана.

Наконец, Коровин стал прощаться.

Уже в прихожей, накинув плащ и подавая мне вялую руку, Руслан Архипович поинтересовался, как обстоят дела в «Ледоколе».

— Прекрасно, — отозвался я. — Сплошь фильтры да биотуалеты. Скоро переведем автопарк на солнечные аккумуляторы, если администрация будет ежедневно разгонять тучи над городом.

Моя шутка возымела успех.

Коровин долго отсмеивался, кутая шею в шарф и напоследок снова протянул мне руку.

С уходом Руслана Архиповича мне даже стало как-то легче дышать.

Елена и Максим сразу же оживились и мы дружно уселись за стол, который уже был накрыт в соседней комнате возле камина.

Я знал, что повар Сапожниковых раньше обслуживал дачу первого секретаря обкома партии и смог убедиться, что за прошедшие годы этот профессиональный кулинар не утратил своего мастерства.

Хозяйка дома выглядела раскованной и легкомысленной. Елена Руслановна Сапожникова за столом без умолку верещала (приезд в наш город столичного модельера с его коллекцией осенней одежды; выставка азиатских тканей в Санкт-Петербурге, откуда Сапожникова привезла образцы; погода в Марокко — брать ли с собой зонтик, и если да, то от дождя или от солнца).

Максим же на фонеу супруги выглядел довольно бледно — отвечал невпопад, уронил на пол кусок курятины и пролил вино на скатерть.

Когда хозяйка дома отправилась варить кофе — эту обязанность она никому не доверяла, — я вопросительно посмотрел на Максима.

— Я сделал одну опасную глупость, — ответил он, отбрасывая в сторону смятую салфетку. — Извини, что я докучаю тебе своими проблемами, но мне просто больше не к кому обратиться.

— Что такое?

— Помнишь, я говорил тебе про серый «форд» моей жены, который приметил в лесочке на двести первом километре? — шепотом произнес Максим.

— Конечно, помню, — тихо отозвался я. — Эта история получила какое-то развитие?

— В том-то и дело, что нет, — еле слышно сказал Максим.

При этом он опасливо оглянулся на дверь — Елена уже вкатывала в гостиную прямоугольный столик с дымящимися чашками.

— Сегодня мы пьем кофе без кофеина, — объявила она, усаживаясь за стол. — Больше одной дозы принимать не рекомендуется.

— А что будет, если все же перебрать? — поинтересовался я.

— Попробуй рискнуть, — рассмеялась Елена. — Ты не забыл дома страховой полис? Ведь придется вызывать «скорую помощь».

Напиток, разлитый в малюсенькие чашечки на полтора глотка каждая, действительно, обладал совершенно убойным действием.

Сразу же после приема внутрь по жилам разливался теплый веселый пожар и хотелось немедленно жить, любить и работать, причем одновременно.

— Невероятно! — похвалил я хозяйку. — Это почти гипноз. Никогда не думал, что простой кофе может так на меня подействовать.

— Гипноз? — усмехнулся Максим. — Никогда бы не подумал, что Делец верит в подобную чепуху. Смотри, не проговорись об этом журналистам.

Как вы понимаете, «Делец» — это мое прозвище в определенных кругах.

Когда я начинал свою карьеру, бизнесменов в городе было раз-два и обчелся.

Всех знали в лицо и поименно, но предпочитали награждать более-менее обидными кличками.

Ко мне прилипло прозвище «делец» и я не возражал, чтобы меня так называли за глаза.

— Очень безответственное заявление, — Елена немедленно парировала слова мужа. — Люди, которые до сих пор так глупы, что недооценивают силу внушения, всегда оказываются в проигрыше.

— Значит, те, кто используют магию в бизнесе всегда процветают?

— Уверена, что так.

— Ха-ха-ха, — серьезно произнес Сапожников. — Не хочешь ли ты сказать, что...

Тут начался затяжной спор, исподволь переходящий на личности.

Слово за слово, и вот уже разговор за столом перешел в перепалку.

Сапожниковы цеплялись к тем или иным неосторожным выражениям друг друга, как это бывает в семьях, откуда давно уже ушла любовь, а на смену ей так и не пришло надежной дружеское чувство.

В воздухе комнаты, озонированной апельсиновыми спреями, запахло ссорой.

Хотя супруги Сапожниковы и пытались время от времени апеллировать к моему независимому мнению, я предпочитал не вмешиваться.

Зачем мне это надо?

Милые бранятся — только тешатся, а разнимщику — первый кнут, думал я про себя, а вслух отделялся шутками и попивал французскую минералку.

Впрочем, легковесная перебранка подспудно достигала достаточно высокого градуса и уже не походила на обычную супружескую стычку.

Я почуял, что что-то тут не так и между делом принялся наблюдать, как меняется за время спора лицо Елены Сапожниковой.

Она принадлежала к тому типу женщин, которым идет лишь одно выражение лица — скажем, отрешенной доброжелательности.

Стоило лишь Сапожниковой испытать какое-либо сильное чувство, как непроизвольная мимика меняла ее фэйс до неузнаваемости.

Если это была радость, то рот раскрывался слишком широко и напоминал оскаленную волчью пасть; если она гневалась, то верхняя губа подскакивала вверх и ее личико превращалось в мордочку грызуна.

Наконец, когда оставалась еще секунда до тех слов, после которых обычно приходит время либо «военных действий» (прицельного швыряния друг в друга предметами домашнего обихода), либо разрыва дипломатических отношений («Я с тобой не разговариваю»), Елена резко встала из-за стола и, на ходу поправив идеально лежащую прическу, быстрым шагом вышла из комнаты.

Я услышал, как в глубине дома громко хлопнула дверь ее спальни.

Воцарилось молчание.

Максим сидел красный, как рак, тяжело дыша и уставясь на свои огромные руки.

— И охота тебе... — пожал я плечами. — Главное, что повод-то пустяковый.

— Это она начала, — твердо сказал Сапожников. — И, потом, дело вовсе не в предмете спора. Раньше такого не было, можешь мне поверить.

О, вот в этом-то я как раз ни секунды не сомневался, Максим мог бы не объяснять.

Раньше Сапожников не посмел бы и слова Елене поперек молвить — даже мысли такой в голову ему не приходило и придти не могло.

Все дело тут, как мне представляется в одной психологической тонкости.

Максим Сапожников с самого начала покорно принял на себя роль «благодарного зятя» и честно разыгрывал ее на семейной сцене.

Но вот в ответ Максим — то ли по простоте душевной, то ли по глупости — всерьез рассчитывал на то, что эта игра будет вестись и с другой стороны.

То есть, что получалось — Максим думал, раз будут соблюдены необходимые правила приличия, то ему никогда не укажут на «свой шесток».

И вот теперь это хрупкое равновесие нарушилось раз и навсегда.

— Знаешь, а ведь это у нее началось с того раза, когда я сказал про ее автомобиль, — глухо произнес Максим. — Она боится, вот в чем дело. Боится, и старается укунить меня исподтишка при любом удобном случае. Запугать по мелочам. Зачем?

— Ты что, подозреваешь измену? — сухо спросил я. — Как-то пошло...

— Даже не знаю, что и думать, — со вздохом признался Максим. — Еще и этот тип куда-то подевался, черт бы его побрал.

— Не понял...

— Ну, этот... частный детектив, которого я нанял, — вполголоса пояснил Максим. — Ах да, я ведь не успел тебе об этом рассказать. В общем, он как в воду канул. Аванс взял — и привет.

— Максим! — всплеснул я руками. — Что я слышу! Ты нанял шпика, чтобы следить за собственной женой! Ну ты даешь, старик!

— Да, все это выглядит глупо, я понимаю, — сказал Сапожников. — Однако я вовсе не ревновал Елену. Просто... просто я хотел иметь в запасе козырь против нее... На всякий случай.

— Господи, да неужели все до такой степени серьезно? — встревожился я. — Ты решил обзавестись компроматом на Елену?

— Да, — резко ответил Максим. — Я чую, задницей чую, что мне хана. Понимаешь, Елена только и ждет удобного случая, чтобы...

Сапожников не закончил фразу и снова погрузился в раздумья.

— В общем, я даже не исключаю самые крайние меры с ее стороны.

— Да быть такого не может! Это ты дурных триллеров заполночь по телеку насмотрелся, — удивился я. — Ни за что не поверю. С какой стати Елене вдруг становится твоим врагом?

— Она думает... нет, она уверена, что я знаю о ней что-то страшное, — медленно произнес Максим, глядя мне прямо в глаза.

Я почувствовал, как у меня между лопатками пробежал холодок.

— Понимаешь, — продолжал он, — это как раз та ситуация, когда мы не можем с ней откровенно поговорить. Мне под угрозой второй посадки — и я знаю, что это не шутка — запрещено касаться в разговорах ее автомобиля на обочине этого проклятого леска. А сама она с тех пор вбила себе в голову, что я видел нечто большее... или что я знаю что-то еще — и ненавидит меня за это.

— Какой кошмар! — искренне возмущился я. — Да как же можно жить... да и работать в такой обстановке! Ты же постоянно под прессом, наделаешь кучу ошибок, не учтешь то, се, пятое-десятое — и тесть с чистой совестью вышвырнет тебя на помойку! Нет, так нельзя!

— Я тоже так думаю, — спокойно согласился со мной Сапожников. — Именно поэтому я и решился на такой шаг — нанять частного детектива. Мне нужно было иметь хотя бы приблизительное представление о том, чего может бояться моя жена. Тогда я смог бы как-то разобраться в том, что происходит.

— Знаешь что, — предложил я, почувствовав азарт. — давай я тебе помогу.

Максим Сапожников удивленно посмотрел на меня, но, подумав, кивнул. Конечно, он понимал, что это для него наилучший выход.

— Диктуй-ка мне адрес этого твоего тормозного филера, я встречу с ним и немного подстегну его, чтобы оперативнее работал, — решительно предложил я. — А если он вздумал тебя кинуть, то...

Но тут со стороны спальни раздался звук открывающейся двери и вслед за щелчком замка послышались тихие шаги Елены, которые приближались к нам.

Я тотчас же оборвал фразу на полуслове и решил договорить с Максимом после.

Через минуту хозяйка дома снова появилась в гостиной и вечер продолжился.

Наверное, за минуту перед входом Елена перед зеркалом уверенно напялила на себя маску доброжелательного интереса и завела со мной разговор о породах собак, модных сейчас в Англии.

При этом госпожа Сапожникова подчеркнуто игнорировала присутствие в гостиной собственного мужа, даже не разу ни взглянула в его сторону.

Я чувствовал себя крайне погано.

Наконец, уловив удобную минуту, я посмотрел на часы, охнул, «вспомнил» про какое-то неотложное дело и стал прощаться.

Максим тотчас же вызвался проводить меня до машины и Елена, напоследок протянув мне руку для поцелуя, осталась в комнате.

Теперь нам никто не мог помешать закончить начатый в ее отсутствие разговор.

— Так где ты надыбал этого шпика? — поинтересовался я, остановившись возле своего «феррари», припаркованного перед домом Сапожниковых.

— Агентство «Ястреб», — ответил Максим. — Собственно, в самой конторе я не был, только позвонил по телефону и переговорил с этим типом.

— Сколько заплатил?

Сапожников усмехнулся.

— Странная сумма — триста тридцать пять долларов. По курсу, разумеется, мелочи зеленую у меня с собой не было. Мы договорились встретиться на бульваре возле памятника Вавилову. Это было пять дней назад. Сыщика зовут Сергей Соломатин, такой востроносый

проныра, слегка шепелявит. Я сразу узнал его голос — это он со мной говорил по телефону, когда я звонил в агентство.

— Вы договорились встретиться? — спросил я, не скрывая интереса.

— Нет, дело обстоит не совсем так, — покачал головой Максим. — Соломатин обещал мне позвонить сам через три дня. Я оставил свой рабочий телефон, но от него с тех пор ни слуху ни духу.

— А в агентство ты снова не звонил? — поинтересовался я.

— Ты, понимаешь, какая ситуация, — нерешительно объяснил Максим, — Соломатин настаивал только на односторонней связи.

— А почему?

— Он упирал на секретность предприятия, — развел руками Сапожников.

— Понятно, — пробормотал я. — Знаешь, как-то мне вся эта бодяга не по душе.

Максим беспомощно посмотрел на меня и только пожал плечами.

— Но вы хотя бы договорились о возможных контактах в случае форс-мажорной ситуации? Ведь ты мог отправиться в командировку, сменить адрес, мало ли что, наконец, могло бы произойти, — нетерпеливо произнес я, досадуя, что приходится вытягивать из Сапожникова информация в час по чайной ложке.

Я имел кое-какое представление о деятельности наших детективных агентств и в том, что поведал мне Максим, увидел уже несколько несостыковок.

Но о выводах, которые я сделал, Сапожникову пока что знать не надо.

— Да, — неохотно подтвердил Сапожников, — я даже не знаю, стоит ли об этом говорить... В общем, если мы не совпадаем через три дня, я должен был с двадцати трех до двадцати трех ноль пяти в любой день появиться возле кинотеатра «Темп».

— И ты, разумеется, не пошел, — констатировал я. — Заварил кашу, а сам...

— В первый день я не смог. Потом — решил отложить на завтра, — неловко объяснял Максим. — Сегодня вот с тобой ужинал.

— А завтра найдется еще какое-то объяснение, — продолжил я с саркастической усмешкой. — Нет, старик, так дело не пойдет. Эта твоя стерва тебя с потрохами съест или в один прекрасный день подсыплет толченого стекла в варенье. Значит, договариваемся так: я нахожу тебе этого твоего филера, а дальше ты сам. И я должен быть в курсе всего, это обязательное условие. Идет?

— Конечно, — с облегчением согласился Максим. — О чем разговор.

\$ 2

Я гнал свой «феррари» по улицам ночного города, подставив лицо встречному ветру. Несмотря на смурную обстановку сегодняшнего ужина у Сапожниковых и завтрашние проблемы, связанные с почти уже потерянными для «Ледокола» нефтяными скважинами, я был преисполнен воодушевлением.

Дело в том, что я снова оказался в той атмосфере, которая, как я смог недавно убедиться, была для меня наиболее адекватной.

Кто-то ловит свой кайф от наркотиков, кто-то тратит месяцы на экзотические путешествия, кто-то ведет список любовниц, стараясь добраться до тысячи, а при более удачном раскладе, и перевалить за нее.

Да мало ли чем заполняют люди свою маленькую жизнь, стремясь как можно ярче расцветить свое обыденное существование!

И я не являюсь исключением.

Ваш покорный слуга не так давно обнаружил, что его хлебом не корми (напитки обязательны в любом случае), дай только распутать какое-нибудь дельце.

Началось все это с проблем моего старого знакомого с академической степенью.

В тот самый важный в моей жизни день, когда я взялся ему помогать, то не подозревал, чем это может для меня обернуться.

И вот, в результате — я, что называется, «подсел» на расследования.

В фирме с моим увлечением мирились, как с неизбежным злом.

И, действительно, казалось бы — разве у меня мало проблем по работе?

Стоит ли мое странное «хобби» того времени, которое я трачу на подобные занятия?

И не пора ли, наконец, Сергею Паратову подумать о чем-то более существенном и, например, взять да и обзавестись семьей?

В принципе, на каждый вопрос я мог бы после краткого раздумья ответить «нет».

Серьезных проблем у «Ледокола» было более, чем достаточно.

Наша фирма с первых же дней ориентировалась на принципиально самостоятельный способ существования и от государственных структур мы не получали никакой поддержки. Совсем даже наоборот.

Но я не буду тратить время на подробный рассказ про все заморочки с «Ледоколом».

Эти леденящие душу любого нормального бизнесмена истории можно приберечь для какого-нибудь бестселлера типа «Как я заработал свой первый миллиард», который я когда-нибудь напишу.

Что касается моего времени, то в пересчете на годовую прибыль ассоциации каждая минута моей жизни стоила ох как дорого.

И тем не менее, я не мог себе отказать в столь неподобающем солидному бизнесмену времяпровождении — шнырять по городу как какой-нибудь герой «крутого» боевика, и распутывать чужие проблемы.

Насчет семьи я тоже мог высказаться с полной определенностью.

Мой первый и единственный брак закончился со смертью жены во время родов и последовавшей через несколько дней кончиной дочери.

Эта трагедия до сих пор бередила мое сердце и я ни при какой погоде уже не мог себя представить в роли счастливого мужа и отца.

Пусть прошло много лет, пусть тогда я был скромным врачом на железнодорожной станции — все равно душе не прикажешь.

Тем паче, мне не хотелось оказаться в роли Елены Сапожниковой — ведь нет-нет да и мелькнут мысль «А вдруг она вышла за меня из-за денег?»

Ведь на Алена Делона я не очень смахиваю. На Брюса Уиллиса — еще туда-сюда, но с Делоном мне рядом не стоять. Разве что по деньгам.

А что касается свободных состоятельных дамочек из ближайшего окружения, то они были на редкость неприятными и пустыми особами.

Короче, я с радостью «влипал» в любую возможность, которая позволяла мне снова оказаться в шкуре сыщика и ловил свой маленький кайф, не очень-то афишируя свои похождения даже среди своих коллег.

Вот так и теперь — я чувал, что в случае Максима Сапожникова кроется нечто очень любопытное и загадочное и просто не мог отказаться от очередного подвернувшегося мне случая оттянуться на все сто.

В конце концов, можно даже сказать, что частные расследования — это мой отдых.

Как известно, человек в нашей свободной стране имеет право на отдых по Конституции, и я это право реализую вот в таких формах.

А уж что каждый считает отдыхом — решать не Госдуме, а конкретному физическому лицу.

Данное лицо в настоящий момент подруливало к кинотеатру «Темп», сверяясь с циферблатом вмонтированных в панель управления часов.

До назначенного Сапожникову его шпиком срока свидания оставалось еще пятнадцать минут.

Быстро прикинув диспозицию, я подрулил к небольшой уличной кафешке.

Выйдя из «феррари», я даже не стал запирать свой автомобиль.

Такое необычное по нашим временам поведение в данной ситуации было вполне естественным.

Широко, по-американски улыбнувшись, я направился к шумной группе людей, сидящих вокруг сдвинутых столов возле входа.

Ни одному безумцу, находящемуся в полном отрыве от реальности не пришла бы в голову мысль угнать мой автомобиль из-под носа компании, которая расположилась за одним из столиком напротив кинотеатра.

Более того, к этим людям было опасно даже приближаться на расстояние выстрела — об этом свидетельствовал уже их внешний вид.

Из десяти человек трое мужчин были в мешковатых спортивных костюмах, двое в дорогих смокингах (по полторы штуки баксов, не меньше), а остальные — женского пола — были скорее раздеты, чем одеты.

— Ба-а! — закричал человек, сидевший в центре компании. — Смотрите-ка, кто к нам пожаловал! Да это сам Делец! Такие люди и без охраны!

— А зачем мне охрана, Копченый? — улыбнулся я, подсаживаясь на предусмотрительно придвинутый стул, — В этом городе у меня враги только в комплексе зданий на центральной площади.

Дамская часть коллектива заметно оживилась при моем появлении, но я ограничился легким кивком в их сторону и даже повернулся спиной к пяти красавицам, находившимся в сулящей много неожиданностей полосе между средней и тяжелой степенью опьянения.

— Знаю, знаю, — с усмешкой проговорил Копченый. — Я сегодня с твоими врагами роддом открывал. Были все, кроме Самого. Он, вроде, в Совете Федерации по бюджетным долгам отчитывается.

— Как думаешь, отчитается? — спросил я, прекрасно зная, что мне ответит Копченый.

— А то как же! — расхохотался тот. — Братва постаралась, собрали что могли. Так что с этим вопросом все тип-топ на какое-то время.

Я продолжал приветливо смотреть на жизнерадостную физиономию Копченого, подерживая беспредметный разговор, а сам в это время думал:

«Веселись, веселись, Копченый, сейчас твое время. Впрочем, если бы ты был хоть чуть-чуть поумнее и была бы у тебя не такая короткая память, вспомнил бы о судьбе своих предшественников».

Мысли эти, надо признать, были, в общем-то достаточно беззлобными.

Бандиты, как ни крути — неотъемлемая часть нашего круга общения в последнее время и, хочешь — не хочешь, а с ними надо считаться.

И, кстати сказать, то общаться с так называемой братвой гораздо проще, нежели с гораздо более многочисленной армией чиновников.

Последние наделены властью сверху, они ничего не добились сами, а в большинстве своем получили право распоряжаться собственностью, а подчас и людскими судьбами сверху, от начальства.

Сами по себе господа чиновники почти ничего из себя не представляют — это просто-напросто функции, а не реальные люди, право слово.

Иной раз даже не и знаешь, с живым человеком ты говоришь или с высоченным креслом, которое он в данный момент занимает.

Братва же на новом историческом этапе — я беру здесь не примитивную урлу, и не «организованные преступные группировки», а тщательно сформированную команду с мозговым центром и достаточно мощным коллективом профессиональных исполнителей — представляет из себя людей, безусловно талантливых и притких.

Я говорю это без всякой этической оценки, а просто констатирую очевидный факт.

Но и у этой категории граждан есть существенный минус — недостаток образования и дурацкая блатная привычка схватить все и сразу.

Отсутствие финансовой сметки и расчета частенько приводит их на положенное количество метров ниже земной поверхности.

В невероятно сложном и опасном финансовом мире, неизбежно связанным с политикой и экономикой научились ориентироваться единицы из бандитов.

Остальные же — и их большинство — избрали для себя наиболее простой путь и плыли по течению, принимая навязанные им государством правила игры на тот или иной отрезок исторического времени.

Так, сегодня было принято крепко дружить с администрацией.

Схема приблизительно такая: я тебе деньги, ты мне подряды и возможность отмывки. Вроде бы все о'кей.

Но через какое-то время авторитет сам оказывался в положении «кабанчика».

Этот термин представляет собой следующее: бизнесмен находит себе крышу, которая медленно, но верно прибирает к рукам его дельце.

Мало-помалу, шаг за шагом традиционная выплата дани отходит на второй план, а братва начинает подкидывать бизнесмену всякого рода выгодные проекты, вкладывает деньги в его предприятие и в один прекрасный день, когда «кабанчик» уже откормлен, предпринимателя ставят перед фактом: твоя фирма уже не твоя.

Государство, надо сказать, переняло именно такую тактику по отношению к братве.

Сначала прикармливая, холя и лелея шпану высокого ранга, оно убеждалось в том, что братан расслабился и вовремя не позаботился о тылах: скажем, политическом окружении или запасных путях отхода.

И, в один прекрасный день братан обнаруживал себя за решеткой, а то и с пулей во лбу.

В последнем упомянутом мной случае, конечно же, обнаруживали его.

Расследование, как правило, тянулось вяло и заходило в тупик, а населению через газеты сообщали, что произошла очередная разборка.

Место фаворита занимал новенький, скорее всего тот, чьи ребята ухлопали предыдущего и машина начинала крутиться заново.

«Эх, Копченый, Копченый, — продолжал я свои размышления. — Недостаток исторического мышления, вот что тебя погубит.

Разве ты не помнишь Макара, твоего давнего врага, кстати? Он ведь ногой дверь в мэрии открывал еще каких-то пять лет назад?

И где он теперь? Пожизненное заключение с отклоненной кассацией об амнистии.

А Календарь?

Ведь он даже в официальных спортивных мероприятиях участвовал.

А сейчас где-то на обочине и финансового и криминального мира. Искать его надо с большим микроскопом, да и такая глупая идея никому в голову не придет — не нужен больше Календарь.

А Рыжий?

Полгода не прошло. как его расстреляли вместе со всей его командой прямо в офисе.

А ведь когда-то все деньги страховой медицины шли через него.

Так что думай, Копченый, хорошенько думай, если не хочешь оказаться на их месте. Время-то у нас сейчас быстро идет...»

А Копченый не уставал мне рассказывать о своих успехах на местном фронте.

Пока что все у него ладилось и Копченый находился в некоторой эйфории.

Сегодня он праздновал очередную победу, кочуя, как это было у него в обыкновении, из дорогих кабаков в дешевые кафешки и чередуя элитные сорта коньяка с сомнительным портвейном.

— Неужели все у тебя так хорошо? — спросил я, незаметно взглянув на часы.

Мои любимые швейцарские «радо» с особо прочным стеклом, которое нельзя поцарапать даже при самом сильном желании, показывали без пяти одиннадцать.

— Пряма-таки никаких проблем? — повторил я свой вопрос, обращенный к Копченому.

— Ну почему же никаких, — с охотой отозвался Копченый. — Вот, скажем, с облицовкой нового драмтеатра получаются проблемы.

— Это какие же?

— Поставки срывают, мать их во все дыры, — пожаловался Копченый. — Думаю, надо из своих хлопцев рейд в Москву отправить, чтобы разобрались.

В последнее время Копченый специализировался на строительном бизнесе.

Ему удалось за прошлый год подмять под себя большинство городских предприятий и сделаться в этой перспективной области почти монополистом: оставил для видимости конкуренции три-четыре мелких конторы, которые тоже, кстати, контролировал.

— Неужели с африканским гранитом напряг? — удивился я. — Что, общество снова возвращается к незапамятным временам дефицита?

— Да нет, — пояснил Копченый, — просто у них свои заморочки. Камень идет через Лейпциг, а там у них забастовка. Вот гады немцы, правда ведь?

— Зачем же время тратить и людей попусту в престольную гонять? — отозвался я.

— Как зачем... — начал кипятиться Копченый. — У меня разговор короткий...

— Все равно ведь они в Лейпциге не впрягутся вместо работяг вкалывать, — пожал я плечами. — И чего ты на одной конторе заиклился, Копченый? Давай я свои каналы подключу. Это Урал, там все железно, кроме транспортировки. Если сможешь договориться о перевозках, то считай, что гранит уже у тебя в кармане.

— А что? — оживился Копченый. — Давай завтра стрелку забьем, побазарим.

— Давай, — согласился я. — Чтоб долго не думать, предлагаю встретиться здесь в это же время. Тем паче, что у меня к тебе тоже есть просьба — надо бы уточнить насчет одной конторы. Детективное агентство «Ястреб». Слышал, наверное.

— Что конкретно интересует «дельца»? — спросил мой собеседник.

– Все в самых общих чертах. Бывшие менты, твои коллеги там рулят или кто еще. Насколько можно доверять. Финансовое состояние. Сколько времени функционирует, перспективы развития...

– Заметано, — откликнулся Копченый. — Сейчас я себе помечу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.